

Научная статья

УДК 343.9

EDN PYSSUE

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(6).556-565

КРИМИНАЛИТЕТ: ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА

М.П. Клейменов^{1, 2}, И.М. Клейменов³

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Российская Федерация

² Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

³ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

4 ноября 2024 г.

Дата принятия в печать

20 декабря 2024 г.

Дата онлайн-размещения

27 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Криминалитет; организованная преступность; воровское сообщество; криминальное лоббирование; крышевание; масс-медиа; ваххабизм; джамааты; глубинное государство

Аннотация. Разработка понятия криминалитета является актуальной задачей криминологии. При ее решении следует учесть, во-первых, направленность преступной деятельности, во-вторых, соотношение с учением о личности преступника, в-третьих, возможности преступников влиять на криминологическую обстановку. В результате предлагается такое определение криминалитета: это злостные и особо злостные преступники, участники преступных организаций и преступных сообществ, деятельность которых связана с общеуголовной, экономической, служебной, политической и транснациональной организованной преступностью. Соответственно выделяются виды криминалитета: общеуголовный, экономический, служебный, политический и транснациональный, образующие его структуру. Каждый из них характеризуется особенностями, но есть и общие черты. Средством, которое объединяет интересы указанных групп, является коррупция. Именно коррупция определяет стремление криминалитета подменить государство, эксплуатируя в собственных интересах осуществление государственных функций. Для политического криминалитета свойственна также идеологизированность. Объективная оценка деятельности различных видов криминалитета требует принятия дополнительных законодательных и правоприменительных мер: федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» с одновременным формированием Федеральной службы по противодействию организованной преступности и коррупции; разработки и реализации целевой комплексной программы по противодействию проявлениям экстремизма в местах лишения свободы. В настоящее время российская уголовная политика должна обеспечивать достижение главной цели — укрепления государства.

Original article

THE CRIMINAL WORLD: ITS CONCEPT AND STRUCTURE ASSESSMENT

Mikhail P. Kleymenov^{1, 2}, Ivan M. Kleymenov³

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, the Russian Federation

² Dostoevsky Omsk State University, Omsk, the Russian Federation

³ North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received

2024 November 4

Accepted

2024 December 20

Available online

2024 December 27

Keywords

Criminal world; organized crime; thieves' community; criminal lobbying; protection; mass media; Wahhabism; jamaats; deep state

Abstract. Developing the concept of the criminal world is a highly relevant criminological task. Dealing with this task, it is important to take into account, firstly, the criminal trends, secondly, the correlation with the theory of the criminal personality, and thirdly, the opportunities for the criminals to influence the criminological situation. As a result, the following definition of the criminal world is put forward by the authors: it is malicious and especially malicious criminals, members of criminal organizations and groups whose activities are connected with general, economic, office-related, political and transnational organized crime. Correspondingly, the following varieties of the criminal world are singled out: economic, office-related, political, transnational, which make up its structure. Although each of them has its own specific characteristics, they share some common features. Corruption is the means that unites the interests of the abovementioned groups. It is corruption that determines the desire of the criminal world to substitute the state and exploit the

state's functions for its own benefit. The political criminal world is also characterized by an ideological bias. An objective assessment of the activities of different varieties of the criminal world requires additional lawmaking and law enforcement measures: the Federal Law "On Counteracting Organized Crime" and, simultaneously, the establishment of the Federal Service on counteracting organized crime and corruption; the development and implementation of a target complex program on counteracting the manifestations of extremism in places of confinement. Currently, Russian criminal policy should ensure the achievement of the key goal — the strengthening of the state.

Понятие «криминалитет» пополнило отечественный криминологический словарь сравнительно недавно, поэтому, за редким исключением, не нашло широкого употребления в научных исследованиях и тем более в официальных документах [1; 2]. По смыслу его использования можно сделать вывод, что оно чаще всего понимается довольно неопределенно — как совокупность преступников, представителей преступного мира. Именно так понятие «криминалитет» толкуется в новейших словарях. Так, в современном толковом словаре Ефремовой оно определяется как «совокупность криминальных элементов, уголовные преступники»¹. В «Современном словаре иностранных слов» говорится, что криминалитет — это «совокупность преступных элементов»². Некоторое уточнение вносит толковый словарь Кузнецова, в котором криминалитет рассматривается как понятие собирательное: это «те, кто совершает преступления, лидеры преступных сообществ»³. Характерно, что в «Большом юридическом словаре» данное понятие не представлено, что указывает на его новизну и необходимость корректного введения в криминологический лексикон. Уместно также отметить, что в зарубежной криминологии анализируется информация о преступниках (criminals, offenders) [3; 4], обобщений о криминалитете не делается.

Следует сказать, что, во-первых, отождествление криминалитета с уголовными преступниками некорректно с юридической точки зрения, поскольку все преступники — уголовные, так как их деяния квалифицируются по статьям Уголовного кодекса (далее — УК). По всей види-

мости, совершая такую ошибку, авторы имеют в виду преступления общеуголовной направленности. Однако такие преступления далеко не исчерпывают всего объема криминальной целеустремленности. Перечень преступлений, составляемый Генеральной прокуратурой и МВД РФ для обеспечения единого подхода и полноты отражения в формах федерального статистического наблюдения сведений о состоянии преступности, выделяет следующие виды преступных деяний: экономические; экологические; служебные; групповые; организованные; экстремистского и террористического характера; связанные с незаконным оборотом наркотических средств и оружия; совершенные с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации; связанные с оборонно-промышленным комплексом⁴. Как видим, преступность общеуголовной направленности в приведенном перечне специально не выделена, за исключением преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и оружия. Зато отдельные перечни составляют экономические, политические, экологические и служебные преступления.

Во-вторых, важно охарактеризовать соотношение понятий криминалитета и личности преступника. Личность преступника определяется как некая модель, социальная и психологическая, обладающая специфическими чертами; как совокупность криминогенных качеств, определяющих совершение преступления, отделяющих преступника от законопослушного человека [5, с. 75; 6, с. 36]. Такая модель в целом выглядит не вполне убедительной, поскольку «предполагает априорное существование личности «не-преступника» — некой стерильной челове-

¹ URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/276024/криминалитет?ysclid=m4s3e3b6r9711086582> (дата обращения: 14.10.2024).

² URL: [https://gramota.ru/poisk?query=криминалитет&mode=slovari&dicts\[\]=9](https://gramota.ru/poisk?query=криминалитет&mode=slovari&dicts[]=9) (дата обращения: 14.10.2024).

³ URL: <http://gufo.me>dict/kuznetsov/криминалитет> (дата обращения: 14.10.2024).

⁴ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание от 25 июня 2024 г. Генпрокуратуры РФ № 462/11, МВД РФ № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

ческой категории» [7, с. 85]. С ней можно согласиться, если иметь в виду личность профессионального (злостного, особо злостного) или, как отмечали американские криминологи в начале XX в., «привычного» преступника [3; 8]. Личность случайного, ситуативного, неосторожного преступника — это криминологический оксюморон, в котором происходит отождествление преступника и обычного человека: в принципе каждый может стать таким преступником. Кроме того, если учесть оценки параметров латентной преступности [9], то можно констатировать, что мы чуть ли не ежедневно сталкиваемся с лицами, которые совершили преступление, но система уголовной юстиции не идентифицировала их в качестве преступников. При этом следует высказать твердое убеждение, что личность преступника — результат криминогенных общественных отношений в конкретном государстве в определенный момент времени. Иная парадигма (биологическая или психоаналитическая) не только чревата опасными практиками «лечения» либо «психокоррекции», но и снимает всякую ответственность с органов власти, допустивших создание или непосредственно создавших криминогенную систему общественных отношений. Таким образом, криминалитет воплощает тип привычного преступника, участника криминальных и криминогенных общественных отношений.

В-третьих, криминалитет имеет отношение к организованной преступности. Преступники-одиночки, а также лица, совершающие преступления в группе в форме простого соисполнительства или в группе по предварительному сговору (ч. 1 и 2 ст. 35 УК РФ), не могут быть отнесены к криминалитету, потому что они существенного влияния на состояние криминологической ситуации не оказывают. Такое влияние оказывает криминалитет, представители которого действуют целеустремленно и организованно.

Следует выделить пять видов организованной преступности, в которых можно установить участников, оказывающих заметное влияние на состояние криминологической обстановки: общеуголовную, экономическую, служебную, политическую и транснациональную.

Общеуголовная организованная преступность традиционно отождествляется с деятельностью воровского сообщества. Это правильно, только следует уточнить, что «законы блатного мира» принципиально изменились. Ушли в прошлое запреты «не иметь «якорей» (семьи,

детей)», «не «барыжничать» (заниматься предпринимательской деятельностью)», «не сотрудничать с органами власти», «не заниматься политикой». Нарушение последнего «закона» из числа перечисленных хорошо иллюстрируется наличием информационного агентства воровского сообщества «Прайм крайм», осуществляющего его пропаганду. Лидеры и участники воровского сообщества весьма активно участвуют в теневой и легальной экономической и политической жизни общества, занимаясь не только незаконным оборотом наркотиков, нелегальным игорным бизнесом, но и легализацией средств, полученных преступным путем, обналичиванием денег, микрофинансированием, коллекторской и частной охранной деятельностью. Они поддерживают отношения с государственными и муниципальными служащими, сотрудниками различных правоохранительных органов, имеют связи в судебском сообществе. Заведомой ложью будет утверждение, что законники остались верными традициям идейных воров прошлого и являются, как их характеризует «Прайм крайм», «кристаллами» (типа Бабушкина — «Бриллианта») и «Людьми с большой буквы». Они перешли на позиции так называемых истинных воров, против которых в свое время велись «сучьи войны» [10]. Это закономерно, потому что в противном случае (в условиях неумолимых законов капитализма) они оказались бы неконкурентноспособными и просто исчезли бы. Не случайно большинство «воров в законе» — это выходцы из Грузии, которые никогда не чурались коммерции и которых в советское время презрительно именовали «лаврошниками».

По данным криминологов в начале 2000-х гг. грузинские воры были тесно интегрированы в экономику Грузии, в частности: в финансово-кредитную сферу (банки, акционерные общества и биржа) — около 30 %; в сферу услуг (рестораны, гостиницы, охранные агентства, реклама и др.) — около 40 %; в игорный бизнес (казино, тотализаторы и др.) — более 60 %; в энергетику — около 15 %; в строительство — около 40 %; в другие сферы — около 20 % [11, р. 645].

С началом «перестройки» СССР захлестнула волна бандитизма. В каждом городе возникли организованные преступные группы (ОПГ), которые занимались рэкетом, мошенничеством, торговлей алкоголем и наркотиками, одновременно овладевая азами ведения бизнеса. Они составили серьезную конкуренцию воровскому сообществу и в «лихие 90-е» и даже «нулевые»

являлись составной частью общеуголовного криминалитета. Их влияние на криминологическую обстановку в некоторых регионах было настолько велико, что пришлось провести ряд оперативно-профилактических операций по декриминализации определенных субъектов Российской Федерации [12]. Развитие капитализма в России провело естественный отбор среди ОПГ и их лидеров. Лишь некоторые из них остались на плаву, инвестировав средства, полученные преступным путем, в теневой и легальный бизнес, заняв должности в структурах государственной и муниципальной власти, став депутатами выборных органов различных уровней [13].

Воры в законе выдержали конкуренцию с бандитами благодаря своей организованности: если СССР распался, то воровское сообщество осталось единым.

В настоящее время борьба с деятельностью воровского сообщества заметно активизирована. В этом отношении на территории бывшего СССР выделяются два лидера — Республика Грузия и Республика Беларусь.

Парламентом Грузии в 2005 г. принят закон «Об организованной преступности и рэжете», существенно дополненным в 2018 г.⁵ В новой редакции этого закона разведены понятия «воровское сообщество» и «вор в законе». Указано, что членом воровского сообщества может быть не только титулованный вор, прошедший обряд «крещения» (коронования), но любой человек, не только активно участвующий в его деятельности, но и выражающий готовность проявить такую активность. Таким образом, дефиниция «воровское сообщество» становится синонимом понятия «воровской мир» — как общности единомышленников, разделяющих ценности и взгляды криминальной идеологии и следующие им. Как видим, здесь содержание понятия «криминалитет» получает вполне определенные очертания.

Юридически значимыми с точки зрения мер конфискационного характера стали введенные в ткань закона понятия «члены семьи, близкие родственники рэкетира или члена воровского сообщества, а также связанные с ним лица». Эффективность закона, основанного на концепции преступного сговора, подтверждена практикой [14].

⁵ Об организованной преступности и рэжете : закон Грузии от 20 дек. 2005 г. № 2354 ; Поправки к Закону Грузии «Об организованной преступности и рэжете» : закон Грузии от 18 апр. 2018 г. № 2150. URL: <https://www.matssne.gov.ge>. (дата обращения: 16.10.2024).

В Республике Беларусь закон «О борьбе с организованной преступностью» был принят в 2007 г.⁶ Ведущим субъектом его реализации является Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией, в задачи которого входит: противодействие коррупции в органах государственной власти и приоритетных отраслях экономики; борьба с организованной преступностью, в том числе имеющей транснациональный и международный характер; пресечение и раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений общекриминальной и экономической направленности, совершаемых организованными группами; пресечение террористических и экстремистских проявлений; установление и ликвидация каналов незаконной миграции, а также выявление и пресечение иных преступлений, совершаемых членами организованных групп, сформированных по национальному или этническому признаку либо действующих в диаспоральных образованиях⁷. По оценке СМИ, властям Белоруссии удалось победить криминалитет [15]. В настоящее время много внимания уделяется пресечению проникновения на территорию страны криминальных лидеров из России и других государств.

В России борьба с деятельностью воровского сообщества осуществляется на основе реализации ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, в которых говорится об ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Легальное толкование такого положения отсутствует, на практике оно связывается со статусом и деятельностью воров в законе, а также лиц, которым воровским сообществом делегированы полномочия по криминальному менеджменту в определенных регионах или на определенных объектах («положенцы», «смотрящие»). Против такого подхода нет принципиальных возражений («вор должен сидеть в тюрьме»), однако действующая правовая база борьбы с общеуголовным криминалитетом характеризуется существенными дефектами, допускающими объективное вменение, а также введение в УК переменных криминологиче-

⁶ О борьбе с организованной преступностью : закон Респ. Беларусь от 27 июня 2007 г. : (в ред. от 17 июля 2023 г.). URL: <https://pravo.by/document> (дата обращения: 16.10.2024).

⁷ Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией // МВД Республики Беларусь. URL: <https://mvd.gov.by/ru/page/glavnoe-upravlenie-po-bor-be-s-organizovannoj-prestupnost-yu-i-korrupciej#!> (дата обращения: 16.10.2024).

ских понятий [16–18]. Приговоры по уголовным делам, возбужденным по ст. 210¹ УК РФ, напоминают краткий словарь криминального арго.

Субъекты экономической организованной преступности образуют экономический криминалитет. Э.А. Росс называл экономических преступников «криминалоидами» (criminaloids) и утверждал: «В наши дни необходимо прежде всего обуздать злодеев, которые кажутся респектабельными, образцовыми и достойными доверия гражданами и которые на самом деле таятся в центре паутины, построенной на неформальных отношениях. Такой персонаж способен из своего офисного кресла опустошить тысячи карманов, отравить тысячи пациентов, возмутить тысячи душ и подвергнуть опасности тысячи жизней. Это широкомасштабные, крайне опасные преступники, на которых необходимо надеть наручники» [19, р. 29–30]. Актуальность этого утверждения несколько не понизилась за прошедшие сто с лишним лет

Экономическая организованная преступность обладает уникальным качеством — реальной возможностью, опирающуюся на властные полномочия и политическую волю, поддерживать и развивать те правовые и экономические отношения, которые способствуют ее развитию, совершенствованию и увеличению многообразия механизмов криминального обогащения [20, с. 75]. Подтверждением этого является развитие российского уголовного законодательства в направлении создания привилегий для экономических преступников, вопреки конституционному положению равенства всех перед законом. Характерным примером здесь является ст. 76¹ УК РФ, которая в первоначальной редакции 2011 г. называлась «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности», но в 2018 г. получила более нейтральное (лишенное классовых признаков) название «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба». Лоббистские возможности экономического криминалитета проявились, в частности, в исключении из уголовного закона такого вида наказания, как конфискация имущества [21], признании утратившей силу ст. 188 «Контрабанда» и др.

Экономический криминалитет включил в себя два встречных потока развития криминальной активности — «снизу» и «сверху». Первый поток реализовал намерения общеуголовного криминалитета влиться в ряды бизнесменов. Второй — стал воплощением криминальной

приватизации [22, с. 170–176]. Результатом стало широкое внедрение нелегальных (в том числе преступных) схем в предпринимательскую деятельность. Цель — получение сверхприбыли — оправдывала любые средства. Одной из таких схем до сих пор является рейдерство, другой — легализация средств, полученных преступным путем, через торговые предприятия.

Служебная организованная преступность [23] стала источником появления должностного (служебного) криминалитета, который в данном случае понимается как совокупность лиц, осуществляющих организованную преступную деятельность в органах власти (государственной, муниципальной, административной).

Чаще всего служебный криминалитет занимается административным рэкетом, или «крышеванием». Так, согласно результатам проведенного авторами опроса⁸, каждый десятый опрошенный (10,5 %) полностью согласен с утверждением о том, что «предприниматели нередко становятся жертвами вымогательства со стороны полицейских»; каждый третий респондент (30,7 %) был с этим утверждением согласен в целом. Фактически такое же количество респондентов согласилось с тем, что «сотрудники полиции нередко крышуют мелкий и средний бизнес» (11,7 % и 30,1 % соответственно).

Эти сведения указывают, что проблема злоупотребления служебными полномочиями в корыстных целях в органах полиции существует. В 2023 г. к десяти годам лишения свободы и 20 млн р. штрафа осужден экс-глава полиции г. Омска Е. Быков за «крышевание» проституции⁹. Похожие примеры легко найти в сети Интернет — их множество.

Служебный криминалитет, по сравнению с общеуголовным и экономическим, имеет свои особенности. Они заключаются в содержании властных полномочий, которые позволяют давать разрешения и налагать запреты. Служебный криминалитет, существующий под прикрытием правоохранительных органов, кроме того, имеет легальный доступ к оружию, а также к процессуальным решениям, которыми может воспользоваться в преступных целях.

⁸ В мае 2024 г. авторами статьи был проведен онлайн-опрос 572 граждан.

⁹ Экс-главе омской полиции Быкову дали 10 лет колонии строгого режима за крышевание релакс-салонов // NGS55.RU. URL: <https://ngs55.ru/text/criminal/2023/01/23/71995658> (дата обращения: 19.10.2024).

Однако гораздо важнее обратить внимание на то, что объединяет выделенные группы и позволяет констатировать слияние их антиобщественных интересов. Это патологическая страсть к наживе. О такой патологии свидетельствуют баснословные суммы похищенных средств, полученных взяток, преступно приобретенной недвижимости. На вопрос «Когда, по достижении какой денежной суммы иссякнет алчность любого представителя криминалитета?» возможен единственный ответ: «Никогда».

Наивными представляются выводы криминологов, которые, характеризуя криминологический портрет современного экономического преступника, констатируют, что это тип психически здорового человека, обладающего этическими и моральными качествами [24, с. 8]. Непомерная алчность накопителей «ярдов» заставляет усомниться в их психическом здоровье.

Средством, которое объединяет интересы указанных групп, которые презирают друг друга, является коррупция. Именно коррупция определяет стремление криминалитета подменить государство, эксплуатируя в собственных интересах осуществление государственных функций. Тенденция элиминации государства криминалитетом, именуемая «огосударствлением мафии», была спрогнозирована в отечественной криминологии еще в начале 1990-х гг. [22, с. 171; 23, с. 8; 25]. В настоящее время мы являемся свидетелями точности данного прогноза. Следовательно, коррупция — это свойство, которое в «Национальной стратегии противодействия коррупции» совершенно правильно характеризуется как системная угроза национальной безопасности¹⁰. Коррупция превратилась в систему, скрепляющую интересы криминалитета в любой его ипостаси, по сути — в «раковую опухоль», угрожающую нормальному развитию государства. Современный российский криминалитет, по существу, представляет собой конгломерат, готовый, по выражению В.В. Путина, «сдать страну»¹¹. Не случайно в настоящее время все их пути ведут в Дубай. Там воры в законе проводят свои сходки, туда бегут проворовавшиеся чиновники.

¹⁰ О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы : указ Президента РФ от 13 апр. 2010 г. № 460 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 16. Ст. 1875.

¹¹ Путин рассказал, кто может сдать Россию // URA.RU. URL: <https://ura.news/news/1052408472> (дата обращения: 19.10.2024).

Относительно самостоятельное место занимает политический криминалитет как организующая сила политической организованной преступности. Такая преступность имеет два наиболее актуальных измерения — экстремизм и терроризм, и здесь чрезвычайно важно отделить возрастные или эмоциональные девиации от организованной преступной деятельности. Одно дело телефонный звонок о минировании школы, совершенный 14-летним подростком со своего мобильного телефона, и совершенно другое — подготовка и реализация диверсии или террористического акта.

Экстремистские проявления неоднородны и чрезвычайно динамичны. Соответственно, в политическом криминалитете экстремистской направленности следует выделить наиболее опасные группы. По нашему мнению, сейчас их две — криминалитет в информационной сфере и джамааты, распространяющие радикальную исламскую идеологию.

Криминалитет в информационной сфере представляет собой участников организованной преступности в сети Интернет [26], осуществляющих спланированные акции, направленные на подрыв конституционного строя, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, разжигание межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов.

Против России ведется активная информационная война, на острие которой находятся политические круги Украины. Сделав ставку на героизацию пособников гитлеровского фашизма, украинские политики провозгласили основой государственного строительства нацизм. Отсутствие позитивных идей и нежелание учитывать реальную геополитическую обстановку обусловили принятие в качестве образца для подражания модели немецкого нацизма. Эта модель, обладающая такими характеристиками, как неоязычество и утверждение мифа о превосходстве арийской расы, создание «нового порядка» на подчиненных территориях, конструирование новых смыслов на основе массового переименования, формирование карательных подразделений, создание новояза, включая символику (жесты, приветствия, татуировки), стирание личности простого человека [27], скопирована фрагментарно. В этой эрзац-копии главным является ненависть к России и ее населению.

Информационный криминалитет олицетворяют, конечно, не рабы «фабрик троллей», а их

хозяева и те иностранные журналисты и социологи, которые предлагают якобы независимый и объективный анализ. После начала Специальной военной операции за рубежом опубликовано множество исследовательских отчетов и статей о событиях на Украине. Большая их часть имеет откровенно русофобский характер [28–30].

Что касается джамаатов, распространяющих радикальную исламскую идеологию, то следует уточнить, что, во-первых, здесь речь идет о группировках исламистов в местах лишения свободы и, во-вторых, что распространяемая ими радикальная идеология имеет непосредственное отношение к ваххабизму (своего рода исламскому протестантизму), которого придерживаются члены и сторонники Исламского государства (ИГ, ИГИЛ) — террористической организации, запрещенной в Российской Федерации. Поражение ИГ на поле боя в Сирии и Ираке вовсе не означает, что его потенциал исчерпан [31], в полной мере он продолжает реализовываться в идеологической сфере. Эта связка «идеология террористов — деятельность джамаатов в местах лишения свободы» представляет угрозу национальной безопасности: именно так ее следует оценивать.

Обращает на себя внимание небольшое количество научных публикаций по данной теме, в особенности подготовленных сотрудниками ВНИИ ФСИН [32–35]. Заметно большую озабоченность проявляют журналисты — представители тех российских СМИ, которые поднимают и освещают реальные животрепещущие проблемы. Анализ 27 таких публикаций позволяет отметить наличие определенных тенденций в развитии феномена исламского экстремизма в местах лишения свободы:

- экстремистские джамааты представляют собой секты, идеология которых отрицает ценности классического ислама, характерного для мусульманской традиции народов России; мусульманин-традиционалист, признающий предание, придерживающийся определенной вероучительной школы (мазхаба) для сектантов, сродни язычнику — «кяфиру»;

- ваххабиты подчеркивают внешне свою идентичность, отращивая бороду и брея усы, ведут себя агрессивно и убежденно, демонстрируя презрение к смерти и готовность «идти до конца»;

- джамааты охотно принимают в свои ряды осужденных с низким социальным статусом и пренебрегают воровским укладом, противопоставляя себя воровскому сообществу и его авторитету;

- благоприятные условия для пропаганды исламского экстремизма в местах лишения свободы создаются увеличением среди осужденных лиц из числа мигрантов — иностранных граждан тех государств, в которых религиозный приоритет отдается исламу;

- неопиты из числа славян, принявших ислам, характеризуются фанатизмом и готовностью к совершению крайних действий;

- существенной детерминантой исламского экстремизма является противоправное поведение сотрудников СИЗО и исправительных колоний, которые оказывают услуги джамаатам по контактам с внешним миром, создают для них привилегии, занимают их сторону в конфликтах с другими осужденными; тем самым у последователей экстремизма создается иллюзия ощущения собственной силы и слабости администрации, которую легко подкупить или запугать.

Объективная и всесторонняя оценка деятельности джамаатов в местах лишения свободы не дается со стороны компетентных органов. В результате на наших глазах создаются целые формирования экстремистского криминалитета, особенностью которого является идеологизированность. Это качество (которого нет в среде общеуголовного, экономического и служебного криминалитета) обладает высокой потенциальной криминогенностью.

Криминалитет транснациональной организованной преступности характеризуется не только строгим отбором, для чего предназначены специальные процедуры проверки и инициации [36, с. 47]. По меткому выражению Давида Моррисона, транснациональная преступность является тенью, пасынком глобализации [37]. Это означает, что транснациональный криминалитет питается негативными последствиями глобализации, которые сам же может моделировать и создавать. Он наиболее активен в зонах нестабильности и хаоса. Здесь действуют наемники со всего мира, которых Джулиан Ловенфельд называет «шлюхами войны» [38–40], орудуют банды мародеров и посланники «черных трансплантологов», стремительно девальвируется цена человеческой жизни.

Говоря о структуре транснационального криминалитета, следует выделить наиболее опасную группу, которую принято называть «глубинной властью» (deep power) или «глубинным государством» (deep state). Зарубежные исследователи трактуют эти понятия как симбиоз политиков, бюрократии и спецслужб,

реализующих определенные региональные или глобальные общественно опасные проекты, угрожающие миру и безопасности отдельных государств или всего человечества. В настоящее время их силы сконцентрированы вокруг анти-российского проекта.

Выводы:

1. Криминалитет — это представители злостного и особо злостного типа преступников, участники преступных организаций и преступных сообществ различной направленности. Их деятельность связана с организованной общеуголовной, экономической, должностной, политической и транснациональной преступностью.

2. Императивом эффективного противодействия криминалитету в России является принятие федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» и одновременно — формирование Федеральной службы по противодействию организованной преступности и коррупции.

3. Следует разработать и реализовать целевую комплексную программу по противодействию проявлениям экстремизма в местах лишения свободы.

4. Российская уголовная политика должна обеспечивать достижение главной цели — укрепления государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антикриминальная стратегия и ее криминологическая составляющая / ред. С.В. Кондратюк. — Москва : Юрист, 2023. — 288 с. — EDN SQVTAX.
2. Нестерова О.И. Криминологическое обеспечение предупреждения пенитенциарных преступлений / О.И. Нестерова. — DOI 10.18572/2072-4438-2023-1-12-15. — EDN WHUHSC // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2023. — № 1. — С. 12–15.
3. Ellwood Ch.A. The Classification of Criminals / Ch.A. Ellwood // Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology. — 1910. — Vol. 1, no. 4. — P. 536–548.
4. Becker J.V. Offenders: Characteristics and Treatment / J.V. Becker // Future of Children. — 1994. — Vol. 4, no. 2. — P. 176–197.
5. Антонян Ю.М. Криминология : избранные лекции / Ю.М. Антонян. — Москва : Логос, 2004. — 448 с.
6. Иншаков С.М. Криминология : учебник / С.М. Иншаков. — Москва : Юриспруденция, 2000. — 432 с.
7. Кондратюк Л.В. Антропология преступления / Л.В. Кондратюк. — Москва : НОРМА, 2001. — 337 с.
8. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А.И. Гуров. — Москва : Юрид. лит., 1990. — 304 с.
9. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / ред. С.М. Иншаков. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. — 839 с. — EDN LRTPLL.
10. Водолазский Б.Ф. Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (прошлое и настоящее) / Б.Ф. Водолазский. — Омск, 1979. — 38 с.
11. Slade G. No Country for Made Men: The Decline of the Mafia in Post-Soviet Georgia / G. Slade // Law & Society Review. — 2012. — Vol. 46, no. 3. — P. 623–649.
12. Клейменов М.П. Специальная профилактика преступлений / М.П. Клейменов, А.В. Кондратьев. — DOI 10.25513/1990-5173.2018.1.163-165. — EDN YUUEGQ // Вестник Омского университета. Серия: Право. — 2018. — № 1 (54). — С. 163–165.
13. Ганнашук В. Бандиты 90-х в наши дни / В. Ганнашук. — Омск, 2017. — 398 с.
14. Мишина Е.А. Хроника грузинских реформ / Е.А. Мишина. — EDN SDGTWL // Lex Russica. — 2014. — Т. 96, № 5. — С. 535–542.
15. Петров А. Как Лукашенко победил криминалитет / А. Петров // Свободная пресса. — 2010. — 9 окт.
16. Кондратюк С.В. Криминологическая характеристики и предупреждение занятия высшего положения преступной иерархии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.В. Кондратюк. — Москва, 2023. — 255 с. — EDN IZXJWY.
17. Скобликов П.А. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его предпосылки, толкование и применение / П.А. Скобликов. — Москва : ИНФРА-М, 2023. — 168 с.
18. Корецкий Д.А. Попытка использования в праве категорий криминального мира / Д.А. Корецкий, Д.Н. Сергеев. — EDN LYOSAM // Законность. — 2024. — № 6 (1076). — С. 38–44.
19. Ross E.A. Sin and Society: An Analasis of Later-Day Iniquity / E.A. Ross. — Boston : Houghton Mifflin, 1907. — 167 p.
20. Овчинский А.С. Информационные воздействия и организованная преступность : курс лекций / А.С. Овчинский. — Москва : ИНФРА-М, 2007. — 176 с. — EDN VYBAYJ.
21. Наумов А.В. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву / А.В. Наумов. — EDN KXKQTV // Уголовное право. — 2006. — № 4. — С. 135–138.
22. Репецкая А.Л. Организованная преступность в сфере экономики: характеристика, причины, предупреждение : учеб. пособие / А.Л. Репецкая. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. — 224 с. — EDN QRTGLF.
23. Клейменов М.П. Феномен служебной организованной преступности / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов, А.И. Кондин. — EDN XHOKYB // Вестник Омского университета. Серия: Право. — 2016. — № 4. — С. 184–189.
24. Марданов А.Б. Личность современного экономического преступника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. / А.Б. Марданов. — Тюмень, 2011. — 26 с. — EDN ZOIBYH.
25. Овчинский В.С. Стратегия борьбы с мафией / В.С. Овчинский. — Москва : СИМС, 1993. — 190 с.

26. Осипенко А.Л. Организованная преступность в сети Интернет / А.Л. Осипенко. — EDN PCXPYZ // Вестник Воронежского института МВД России. — 2012. — № 3. — С. 10–16.
27. Макарова Л.М. Идеология германского национал-социализма: социально-политический анализ : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 23.00.01 / Л.М. Макарова. — Казань, 2005. — 47 с.
28. Dreuzy P. Russia's Military Performance in Ukraine / P. Dreuzy, A. Gilli // War in Europe : Prelim. Lessons. — NATO Defense College, 2022. — P. 25–40.
29. Bivings L. Reporting on War: The Kyiv Independent / L. Bivings // Journal of International Affairs. — 2023. — Vol. 75, no. 2. — P. 299–314.
30. Flynn M.J. Cyber Rollback: Popular Resistance in the Cyber Age / M.J. Flynn // Journal of Strategic Security. — 2023. — Vol. 16, no. 4. — P. 158–179.
31. Гладченко Л.В. На обломках «хадифата»: о трансформации угрозы ИГИЛ / Л.В. Гладченко. — EDN SPMKGC // Проблемы национальной стратегии. — 2020. — № 3. — С. 108–122.
32. Лесовая Н.Н. О некоторых проблемах профилактики экстремизма в уголовно-исполнительной системе / Н.Н. Лесовая, С.Н. Смирнов, А.С. Синельников. — EDN BTQJIP // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 3. — С. 179–181.
33. Шиков А.А. Отдельные вопросы противодействия оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы религиозным экстремистским организациям / А.А. Шиков. — EDN VYURED // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. — 2016. — № 2. — С. 181–187.
34. Кулакова С.В. Причины и механизмы вовлечения осужденных в тюремные джамааты, имеющие экстремистскую направленность / С.В. Кулакова. — DOI 10.24411/2073-3313-2018-10190. — EDN YAMBGX // Закон и право. — 2018. — № 10. — С. 99–101.
35. Красинский В.В. «Тюремные джамааты» в исправительных учреждениях / В.В. Красинский. — EDN YMBWHZ // Современное право. — 2018. — № 11. — С. 114–119.
36. Транснациональная организованная преступность и Россия / под ред. В.А. Номоконова. — Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2010. — 632 с. — EDN QSJIOJ.
37. Morrison D.C. Transnational Crime: Globalization's Shadowy Stepchild / D.C. Morrison // Great Decisions. — Foreign Policy Association, 2010. — P. 31–42.
38. Lowenfeld J. Mercenaries: The Whores of War / J. Lowenfeld // Harvard International Review. — 1982. — Vol. 4, no. 6. — P. 31–32.
39. Kaya S. The Rise and Decline of the Turkish «Deep State»: The Ergenekon Case / S. Kaya // Insight Turkey. — 2009. — Vol. 11, no. 4. — P. 99–113.
40. Elharathi M. Leaderless Arab Revolts: The Deep State Vis-à-Vis the Conspiracy Theory / M. Elharathi // World Affairs: The Journal of International Issues. — 2016. — Vol. 20, no. 2. — P. 90–107.

REFERENCES

1. Kondratyuk S.V. (ed.). *Anticriminal Strategy and its Criminological Component*. Moscow, Yurist Publ., 2023. 288 p. EDN: SQVTAX.
2. Nesterova O.I. Criminological Support of Prevention of Penitentiary Crimes. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Correctional System: Law, Economy, Management*, 2023, no. 1, pp. 12–15. (In Russian). EDN: WHUHSC. DOI: 10.18572/2072-4438-2023-1-12-15.
3. Ellwood Ch.A. The Classification of Criminals. *Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology*, 1910, vol. 1, no. 4, pp. 536–548.
4. Becker J.V. Offenders: Characteristics and Treatment. *Future of Children*, 1994, vol. 4, no. 2, pp. 176–197.
5. Antonyan Yu.M. *Criminology*. Moscow, Logos Publ., 2004, 448 p.
6. Inshakov S.M. *Criminology*. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2000. 432 p.
7. Kondratyuk L.V. *The Anthropology of Crime*. Moscow, Norma Publ., 2001. 337 p.
8. Gurov A.I. *Professional Criminality: the Past and the Present*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1990. 304 p.
9. Inshakov S.M. *Theoretical Foundations for the Study and Analysis of Latent Crime*. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2011. 839 p. EDN: LRTPLL.
10. Vodolazskii B.F. *Criminal Groups, their Customs, Traditions, "Laws" (Past and Present)*. Omsk, 1979. 38 p.
11. Slade Gavin. No Country for Made Men: The Decline of the Mafia in Post-Soviet Georgia. *Law & Society Review*, 2012, vol. 46, no. 3, pp. 623–649.
12. Kleymenov M.P., Kondratiev A.V. The Special Prevention of Crimes. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2018, no. 1, pp. 163–165. (In Russian). EDN: YUUEGQ. DOI: 10.25513/1990-5173.2018.1.163-165.
13. Gannashchuk V. *Bandits of the 1990s in Today's World*. Omsk, 2017. 398 p.
14. Mishina E.A. Chronicle of Georgian Reforms. *Lex Russica*, 2014, vol. 96, no. 5, pp. 535–542. (In Russian). EDN: SDGTWL.
15. Petrov A. How Lukashenko Defeated the Criminal World. *Svobodnaya Pressa*, 2010, October 9. (In Russian).
16. Kondratyuk S.V. *Criminological Characteristics and Prevention of Occupying a Higher Position in the Criminal Hierarchy*. Cand. Diss. Moscow, 2023. 255 p. EDN: IZXJWY.
17. Skoblikov P.A. *Leader of Criminal Hierarchy: Criminal Law, its Interpretation and Application*. Moscow, Infra-M Publ., 2023. 168 p.
18. Koretsky D.A., Sergeev D.N. An Attempt to Use in Law the Notions of the Criminal World. *Zakonnost' = Legality*, 2024, no. 6, pp. 38–44. (In Russian). EDN: LYOSAM.
19. Ross E.A. *Sin and Society: An Analysis of Later-Day Iniquity*. Boston, Houghton Mifflin, 1907. 167 p.

20. Ovchinsky A.S. *Information Impacts and Organized Crime, Course of Lectures*. Moscow, INFRA-M Publ., 2007. 176 p. EDN: VYBAYJ.
21. Naumov A.V. Open Letter to Academician V.N. Kudryavtsev. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2006, no. 4, pp. 135–138. (In Russian). EDN: KKKQTV.
22. Repetskaya A.L. *Organized Criminality in the Sphere of Economics: Characteristics, Reasons, Warning*. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2009. 224 p. EDN: QRTGLF.
23. Kleymenov M.P., Kleymenov I.M., Kondin A.I. The Phenomenon of Official Organized Crime. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2016, no. 4, pp. 184–189. (In Russian). EDN: XHOKYB.
24. Mardanov A.B. *The Personality of the Modern Economic Criminal. Cand. Diss. Thesis*. Tyumen, 2011. 26 p. EDN: ZOIBYH.
25. Ovchinsky V.S. *Mafia Counteraction Strategy*. Moscow, SIMS Publ., 1993. 190 p.
26. Osipenko A.L. Organized Crime in the Internet. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 3, pp. 10–16. (In Russian). EDN: PCXPYZ.
27. Makarova L.M. *The Ideology of German National Socialism: Social and Political Analysis. Doct. Diss. Thesis*. Kazan, 2005. 47 p.
28. Dreuzy P., Gilli A. Russia's Military Performance in Ukraine. *War in Europe : Preliminary Lessons*. NATO Defense College, 2022, pp. 25–40.
29. Bivings L. Reporting on War: The Kyiv Independent. *Journal of International Affairs*, 2023, vol. 75, no. 2, pp. 299–314.
30. Flynn M.J. Cyber Rollback: Popular Resistance in the Cyber Age. *Journal of Strategic Security*, 2023, vol. 16, no. 4, pp. 158–179.
31. Gladchenko L.V. On the Debris of the «Caliphate»: The ISIL's Threat Transformation. *Problemy natsional'noi strategii = National Strategy Issues*, 2020, no. 3, pp. 108–122. (In Russian). EDN: SPMKGC.
32. Lesovaya N.N., Smirnov S.N., Sinelnikov A.S. On Some Problems of Preventing Extremism in the Penitentiary System. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2020, no. 3, pp. 179–181. (In Russian). EDN: BTQJIP.
33. Shikov A.A. Some Issues of Countering Religious Extremist Organizations by Operational Units of the Penitentiary System. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2016, no. 2, pp. 181–187. (In Russian). EDN: VYURED.
34. Kulakova S.V. Causes and Mechanisms of Involvement of Convicts in Prison Jamaats, Having an Extremist Orientation. *Zakon i pravo = Law and Right*, 2018, no. 10, pp. 99–101. (In Russian). EDN: YAMBGX. DOI: 10.24411/2073-3313-2018-10190
35. Krasinsky V.V. «Prison Jamaats» in Penal Institutions. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2018, no. 11, pp. 114–119. (In Russian). EDN: YMBWZH.
36. Nomokonov V.A. (ed.). *Transnational Organized Crime and Russia*. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ., 2010. 632 p. EDN: QSJIOJ.
37. Morrison D.C. Transnational Crime: Globalization's Shadowy Stepchild. *Great Decisions*. Foreign Policy Association, 2010, pp. 31–42.
38. Lowenfeld J. Mercenaries: The Whores of War. *Harvard International Review*, 1982, vol. 4, no. 6, pp. 31–32.
39. Kaya S. The Rise and Decline of the Turkish “Deep State”: The Ergenekon Case. *Insight Turkey*, 2009, vol. 11, no. 4, pp. 99–113.
40. Elharathi M. Leaderless Arab Revolts: The Deep State Vis-à-Vis the Conspiracy Theory. *World Affairs: The Journal of International Issues*, 2016, vol. 20, no. 2, pp. 90–107.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клейменов Михаил Петрович — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, профессор кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, г. Омск, Российская Федерация; e-mail: klim798@mail.ru; SPIN-код: 4431-6452; AuthorID РИНЦ: 596245.

Клейменов Иван Михайлович — профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: pilgrim111@mail.ru; SPIN-код: 9166-9294; AuthorID РИНЦ: 343510.

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Клейменов М.П. Криминалитет: понятие и структура / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(6).556-565. — EDN PYSSUE // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 6. — С. 556–565.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kleymenov, Mikhail P. — Head, Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University; Professor, Department of Criminal Law and National Security, Novosibirsk State University of Economics and Management, Honored Researcher of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Omsk, the Russian Federation; e-mail: klim798@mail.ru; SPIN-Code: 4431-6452; AuthorID RSCI: 596245.

Kleymenov, Ivan M. — Professor, Department of Criminal Law, North Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: pilgrim111@mail.ru; SPIN-Code: 9166-9294; AuthorID RSCI: 343510.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

FOR CITATION

Kleymenov M.P., Kleymenov I.M. The Criminal World: Its Concept and Structure. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 6, pp. 556–565. (In Russian). EDN: PYSSUE. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(6).556-565.